

JĘZYKOZNAWSTWO

Людмила Чернышова

Минск

Концептуальная оппозиция *рай – ад (некла)* в русской и белорусской фразеологии

Бинарная модель мира – общая для человека психологическая черта. Стремясь охватить как можно большее пространство, превратив его из чужого Хаоса в свой Космос, человек, по выражению В. Н. Топорова¹, как бы набрасывает на мир сетку-систему двоичных (бинарных) оппозиций.

Картина мира, представленная в виде оппозиций, отразилась в языке. Возможность ее реконструкции на основе языковых факторов, т.е. реконструкция языковой картины мира в достаточной мере признана в современном языкознании.

В нашей статье речь пойдет о дихотомии *рай – ад*, представленной средствами фразеологии², которая понимается нами широко: в ее разряд мы включаем паремиологию.

В выборе материала исследования мы руководствовались известным выражением В. Н. Телия о том, что «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифи-

¹ В. Н. Топоров, *Первобытные представления о мире (общий взгляд)*, [в:] *Очерки истории естественнонаучных знаний в древности*, Москва 1982, с. 21.

² *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. Молоткова, Москва 1986; В. И. Даль, *Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа*, в 2 томах, Санкт-Петербург 1997; Иван Снегирев, *Словарь русских пословиц и поговорок*, Н. Новгород 1997; І. Я. Лепешаў, *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*, у 2 тамах, Мінск 1993; *Прыказкі і прымаўкі*, у 2 кнігах, Мінск 1976; *Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы*, склаў Ф. Янкоўскі, Мінск 1992.

пирует свое национальное самосознание»³. Таким образом, реконструируя фрагмент фразеологической картины мира в двух языках, мы выявляем и сопоставляем национальную специфику восприятия мира, особенности менталитета.

Оппозиция *рай – ад* связана с дихотомией *верх – низ* и, конечно, более общим противопоставлением, определяющим модус всего набора оппозиций, – *сакральный – мирской*⁴. Последняя возникла в рамках христианской религии и культуры.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров среди оппозиций в мире (космосе) выделяют и другие, имеющие отношение к интересующему нас противопоставлению, *небо – земля, земля – подземное царство*. То есть по сути исследователи указывают на тернарную оппозицию, репрезентирующую три сферы – небесную, земную, подземную, три мира – нижний, средний, верхний⁵.

Миф о рае и аде интернационален. Высшей ценностью обладает та точка в пространстве и времени, где и когда совершился акт творения, т.е. центр мира. Согласно дендрологической модели мира, такая точка – мировое дерево, которое появилось на клочке суши среди мирового океана. Растет оно в *раю*. Крона дерева связана с верхом – миром богов, ствол – с миром людей, корни – с нижним миром. Под сенью этого дерева появились наши прародители Адам и Ева. Таким образом, по христианским воззрениям, первочеловек связывает верхний мир со средним. В белорусской мифологии соединение рая земного и небесного представлено через мифологему *вырай* – место на земле, где раньше был рай, а теперь живут птицы (туда они под божественным покровительством улетают на зиму), а также ангелы и святые люди⁶. По орологической модели мира, центр – Мировая гора. Библейские тексты дают основание полагать, что именно на горе находится рай.

Ад, преисподняя (лат. *infernus* – нижнее место, место сокрытия) – согласно религиозным взглядам, нижняя точка мира.

Лексема *рай* имеет древний индоевропейский корень. Этимология ее не вполне ясна. Русское и белорусское слово связано с авестийским

³ В. Н. Телия, *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*, Москва 1996, с. 9.

⁴ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*, Москва 1965.

⁵ Там же.

⁶ І. Вуглік, *Рай*, [в:] *Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік*, Мінск 2004, с. 421–422.

«богатство, счастье» и древнеиндийским «дар, владение», в греческом языке *парадиз* – «сад, парк»⁷.

Современная семантика русского и белорусского слова *рай* совпадает: 1. В религиозно-мистических представлениях: место, где души умерших праведников ведут блаженное существование, 2. перен. О красивой местности, 3. перен. О хороших условиях жизни⁸. Эти значения включают мифологический взгляд на мир и лежат в основе мифологизирующей, наглядно опредмечивающей разработки образов рая в христианской литературе, иконографии и фольклорной традиции. Она идет по трем линиям: *рай* как *сад*, *рай* как *город* и *рай* как *небеса*. Для каждой линии исходной точкой служат библейские или околобиблейские тексты.

Лексемы *ад*, *пекла* тоже одинаково толкуются в современных русских и белорусских лексикографических источниках: 1. В религиозно-мистических представлениях: место, где души грешников после смерти предаются вечным мукам, 2. перен. О тяжелых, невыносимых условиях, состоянии, 3. перен. О хаосе и ужасе, царящих где-нибудь⁹.

Русский язык имеет синоним слова *ад* – *пекло*, который, наряду с «ад, адский огонь», несет семантику «сильная жара»¹⁰. Лексема *ад*, как и *преисподняя*, *бездна*, *геенна*, заимствована из старославянского языка. Вероятно, православие, обращающееся к верующим на церковнославянском языке, способствовало тому, что она потеснила первоначально функционирующее, исконное *пекло*. Белорусы же долгое время в большинстве своем находящиеся в рамках католической конфессии, как и поляки, сохранили слово *пекла*. Современный белорусский язык, основанный на живых народных говорах, старославянизмов в своем составе, за редким исключением, не имеет. Это положение ярко демонстрирует поговорка: *Каталік – у неба мык, русь – у пекла шуць*.

Старославянское *ад* – «ад, преисподняя» восходит к греческому, сближаемому как с «не вижу», так и с «мучительный, печальный,

⁷ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1987, т. 3, с. 435–436.

⁸ С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 1984, с. 583; *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*, Мінск 1980, т. 4, с. 631.

⁹ С. И. Ожегов, *Словарь русского языка...*, с. 22; *Тлумачальны слоўнік...*, т. 4, с. 153.

¹⁰ В. И. Даль, *Толковый словарь...*, с. 462; С. И. Ожегов, *Словарь русского языка...*, с. 439.

скорбный»¹¹. Белорусское слово *пекла*, как и польское *piekło*, образовано от глагола *печь*, буквально *смола*¹². Таким образом, на лексическом уровне видим особенности в концептуализации. Если русское восприятие разделяет религиозное понимание – место, где мучат грешников, и лишенное сакрализации – место, где очень жарко, то для белоруса все эти представления номинируются одной лексической единицей – *пекла*.

Вместе с тем, ЛСВ «сильная жара, жар» белорусского слова *пекла* отмечен в современном словаре как дополнительный и разговорный, что сигнализирует о постепенной утрате первоначальной семантики, изменениях в концептуализации¹³.

Значения лексем (словарные определения), будучи результатом интерпретации действительности, культурно обусловлены, поэтому они, как уже отмечалось, указывают на особенности концептуализациирая и ада в русской и белорусской языковой картине мира, но делать выводы о способе восприятия мира носителями языка только на основании словарных определений преждевременно. Содержание лексикографических дефиниций, по Ежи Бартминьскому, «...соответствует научному знанию..., а не обыденному знанию, простому здравому смыслу, стоящему за общеупотребительной формой языка», «обыденное знание...отличается тем, что воспринимает действительность во множестве ее аспектов, следуя преимущественно прагматическому, а не теоретическому подходу»¹⁴.

В нашей статье мы интересуемся именно обыденным, наивным пониманием, способом познания мира, категоризацией его явлений, их характеристиками и оценками, закрепленными в обществе и доступными изучению через язык. Для таких целей в польском этнолингвистическом словаре был использован удачный термин *когнитивная дефиниция*¹⁵, которая выявляется в ходе профилирования – операции, заключающейся в формировании образа предмета посредством восприятия его в определенных аспектах (фасетах)¹⁶. Мы отдаем себе отчет,

¹¹ Н. М. Шанский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1963, т. 1, с. 44.

¹² В. И. Даль, *Толковый словарь русского языка. Современная версия*, Москва 2002, с. 12.

¹³ *Тлумачальны слоўнік...*, с. 153.

¹⁴ Ежи Бартминьский, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 39.

¹⁵ *Słownik stereotypów i symboli ludowych*, red. Jerzy Bartmiński, Lublin 1996, t. 1 Kosmos.

¹⁶ Ежи Бартминьский, *Языковой образ мира...*, с. 106.

что материалы фразеологии не позволяют исчерпывающе реконструировать русские и белорусские концепты *рай* и *ад*, наша цель – спрофилировать *фразеологические* концепты (хоть сведения из других источников – этнографии, фольклора, мифологии нами при необходимости учитывались¹⁷).

Итак, обратимся к фразеологии. Для анализа были избраны устойчивые единицы не только с компонентами рус. и бел. *рай*, *ад*, бел. *пекла*, но и их русскими и белорусскими синонимами: рус. *пекло*, *преисподняя*, *бездна*, бел. *рай* – *неба*.

В русской и белорусской фразеологии отразились религиозные представления, что соответствует первому значению лексемы: *рай* – место вечного блаженства для душ праведников после их смерти, понятие *рая* сакрализовано: *Рад бы в рай, да грехи не пускают; Хацела б душа да раю, ды грахі не пушчаюць*, однако при этом отмечается, что у представителей разных вероисповеданий свой *рай*: *Христианский рай; Магометанский рай*. В отличие от словарных данных, материалы фразеологии указывают, что в *раю* располагаются души не всех умерших, но прежде всего тех, кто вел безгрешную жизнь: *Свят муж: только пеленой обтереть, да в рай пустить; Вольному – воля, спасенному – рай; Вольному воля, выратаванаму рай, бешанаму поле, чорту балота*. Здесь локализуются святые: *Хозяин в дому, что Авраам в раю; Сколько дней у бога в раю, столько святых в раю, а мы, грешные, им празднуем; Вольному воля, святому рай; Мужыку лета, што святому рай*. Главный над всеми Бог: *Иди ты к богу в рай; Божы рай*.

Для людей *рай* привлекателен: *В рай за волоса не тянут; В рай просят, а смерти боятся; Дубінкаю ў рай не заганяюць*, но в силу своей натуры, свидетельствует русская фразеология, они не могут жить без греха, и потому *рай* для них недоступен: *В рай просят, а заживо в ад лезут*. В белорусской фразеологии это представлено следующим образом: *Ад пекла адарваўся, да неба не дастаў (ся)*. Так говорят о людях, не святых, но обычных.

Не все достойны *рая*, и по русскому материалу видим, что в нем не место женщине. Христианский сюжет о том, что женщина первая в *раю* поддалась искушению и вкусила запретный плод, повлиял на наивную картину мира: *Пусти бабу в рай: она и корову с собой ведет; Четки не спасут, а жена рая не лишит*.

¹⁷ Славянские древности. Этнолингвистический словарь, под ред. Н. И. Толстого, Москва 1995, т. 1; Беларуская мифалогія...; Słownik stereotypów i symboli ludowych...

По-другому в белорусской фразеологии, которая свидетельствует, что *Рай і ад трэба таму, што багат*, что *Галоднаму хлеб на вуме*, а *сытаму рай*, то есть размышления о рае, как и об аде, свойственны лишь сытым и богатым. Простой человек, крестьянин, автор фразеологии, не имеет возможности об этом задумываться и, несмотря на привлекательность рая, считает: *І ў рай не спяшайся*. Кроме того, материал показывает, что для белоруса важно конкретное место в раю: с одной стороны, *Хоць бы з краю, ліш бы ў раю*, с другой – *І ў пекле па-сярод дык пекна, кепска ў раі, калі на краі*. В последней белорусской паремии отражен основной символ древнего сознания – центр мира. Середина – это своего рода защищающее пространство, дом¹⁸.

В белорусских фразеологизмах с компонентом *рай* не отмечен негативный взгляд на женщину, более того, добрая жена коррелирует с раем: *Там і бог раюе, дзе жонка мужыка шануе*; *Добрая жонка – дома рай, злая – хоць ты цягу дай (хоць ты з хаты ўцякай)*.

Русская фразеология особо указывает на то, что помогает попасть в рай. Во-первых, это пост, то есть соблюдение религиозных правил и установок: *Пост приведет к вратам рая, а милостыня отворяет их*, во-вторых, как видим, милостыня, но взгляд на эту добродетель, как и на *четки*, то есть на молитву, амбивалентен: *И большою милостынею в рай не войдешь; Четки не спасут, а жена рая не лишит*. В белорусском материале отмечается лишь то, что препятствует попаданию в рай: это сама смерть (белая одежда, в которой хоронились белорусы) еще не свидетельствует о том, что человек попадет в рай: *Чорная рыза не спасе, а белая ў рай не ўвядзе*, из этой же паремии следует, что это сан священника, кроме того, закрывает дорогу в рай воровство: *Аддай, братка, аддай: памрэш – не пусцяць у рай*. Рай человек должен заслужить самостоятельно: *На чужым гарбу ў рай не заедзеш*.

Вместе с тем, в русском материале обнаруживаем, что рай может быть представлен вне оппозиции *рай – ад*, то есть рай – это локус, куда попадают все души после смерти: *Родился мал, вырос глуп, помер стар (пьян) – ступай душа в рай*. Здесь заметно снижение сакрализации.

Интересно репрезентирована противопоставленность рая земле. С одной стороны, они образуют оппозицию *священный – мирской*: *Из светлого рая, да на трудную землю*. С другой – рай в устойчивых выражениях может утрачивать сакрализацию, переходя вниз, на землю:

¹⁸ М. М. Маковский, *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*, Москва 1996, с. 265.

Быть тебе в раю, где горшки обжигают (ср. *Не боги горшки обжигают*). С третьей – при таком переходе сакрализация сохраняется, об этом свидетельствует и русская, и белорусская устойчивая единица – *земной рай*; *Зямны рай*, которая содержит мифологему «мать-земля-прародительница» и переносит рай на средний уровень тернарного противопоставления *небо – земля – подземное царство*. В целом в белорусском материале эта сема слабо отражена. Зато отмечено, что локализация рая (и ада, если учесть ассоциацию ад – мука) может быть не на небе, а в обществе: *У грамадзе і рай і мука*.

Мировидение русских и особенно белорусов отражает образ рая – родины, того места, где человек родился, его дома: *Хозяин в дому, что Авраам в раю*; *У родным краю, як у раю*; *Ідзі ў родны край, там і пад елкаю рай*; *У тваім двары, як у раі*, причем белорусы свой край ценят больше рая: *Дома край лепшы як рай*, любовь к земле выражается особо – *земляны рай*: *Дзе добранькі край, там земляны рай*, для русского сознания рай чаще не город, а деревня: *Город – царство, а деревня – рай*; *Москва – царство, а наша деревня – рай*.

Иногда при определенных условиях (в русских примерах – сытость, любовь, отсутствие ума, то есть, скорее, в переносном значении отсутствие умственного напряжения) раем может стать любой локус: *Коли хлеба край, то и под елью рай*; *С милым рай в шалаше*; *Без ума житье – рай*. В белорусской фразеологии в качестве таких условий выступают сытость, любовь, свобода, тепло, для пьяницы лужа: *Калі хлеба край, дык і пад кустом рай*; *З мілым па душы – рай і ў шалашы*; *Там жыццё рай, дзе свабоды край*; *Май – і пад кустом рай*; *У май, як у раі*; *П'яніцу і ў лужыне рай*.

Рай – место, где находятся безгрешные души, пребывание в раю вознаграждает их за праведную жизнь. Народ считает, что это некий прекрасный уголок на небесах, сад, город, имеющий ворота, которые открываются только перед заслужившими пребывания в нем (*Адам грех сотворил, рай затворил*; *Рай адамкнуўся*), где души имеют все, что они пожелают. Понятно, что такие взгляды связывают рай с представлениями о прекрасной жизни, блаженстве и становятся их эталоном: *Житье, что в раю*; *Як у раі*; *Добра, як у раі*; *Чтобы жизнь раем не казалась*; *Райское наслаждение*; *Райский уголок*; *Райские кущи*. Кущи – устар. 'листва, крона', поэтому можно сказать, что последняя единица содержит архетип рай – сад.

Вместе с тем во фразеологической картине мира отразился взгляд на рай как на место, где пребывание не всегда комфортно. Правда, об этом свидетельствуют только две русские единицы: первая указывает,

что определенные условия (ум – глупость) влияют на предпочтительность ада перед раем: *Лучше с умными в аду жить, чем с дураками в раю*, и вторая – *И в раю жить тошно одному* свидетельствует о русском чувстве коллективизма. В белорусском материале отмечается, что в раю (как и в мире людей) плохо сироте: *Сіраце і ў раю самотна*, и, как уже было отмечено, комфортность зависит от места в раю: *Кепска і ў раі, калі на краі*.

Таким образом, образ рая в мировидении русских и намного меньше у белорусов соотносится с библейской мифологией, выступая в значениях: *локативном* – место вечного блаженства для души, место, где можно счастливо жить, родина. Рай – родина ярче представлена в белорусском материале. Русская фразеология показывает, что в наивной картине мира наблюдается перемещение из верхней точки пространства (сакрального, рая) к середине (земле). Русские и белорусские устойчивые выражения фиксируют *чувство – состояние*, связанное с представлениями о рае, – блаженство, радость, счастье, безмятежность, удобство, отмечают, что рай – *эталон прекрасной, привольной жизни*.

Ад, вторая составляющая оппозиции *рай – ад*, в русской фразеологии связан с бездной, пропастью, нижним пределом: *Адская бездна; Адское терпение* и др. Понятие бездны непосредственно связано с понятием пути, символизирующим связь дверей трех миров¹⁹, и это отчетливее репрезентирует белорусский материал: *Да пекла шырокія вароты, а да неба вузкія* (вспомним – *отворить/адамкнуць рай*). Попасть в ад в отличие от рая легко, но место это опасное, паремия предупреждает: *Не лезь поперек батьки в пекло; Не спяшайся ўпярод бацькі ў пекла*. Вспомнив, что устойчивые выражения – это генетически свободные словосочетания, можем выявить другую, первоначальную информацию. Как и рай, ад может восприниматься как смерть вообще (ср. бел. *І ў рай не спяшайся*), поэтому исконное значение фразеологизма: не спеши умирать, придет и твой черед; в смерти существует возрастная иерархия – сначала должен умереть твой отец, а уж потом ты.

Фразеология, чаще русская, сохраняет христианские взгляды на ад как на место мучений, предназначенное после смерти грешникам: *Попасть в ад; Гореть тебе в аду!* Это область божественной юстиции, где сатана и бесы (черти) царствуют в роли палачей, карают греш-

¹⁹ М. М. Маковский, *Сравнительный словарь...*, с. 40.

ников огнем, раскаленной смолой: *Муки ада; Адские силы; У черта в пекле; Хоть в аду ликуй, только нас минуй; Будзе сядзець у пекле* (смоле) *па вушы; Ляціць, як чорт з пекла*. Поэтому в обоих языках ад соотносится с сильной жарой: *Адово пекло; Як у пекле*. Однако белорусы, возводящие тепло в культ, утверждают: *Хоць у пеклі, абы ў цёплі; Яшчэ там не пекла, калі там цёпла*.

В русской фразеологии ад ассоциируется с локусом, пребывание в котором несносно, мучительно: *Адские условия; Житье как в аду*. Образ ада в русском народном сознании связан с невыносимым шумом, грохотом, суматохой, криками (сопутствующими наказанию грешников): *Ад стонет и рыдает, грешных к себе прибирает; Ад войны; Ад сражений; Ад метели, вьюги; Адская машина*. Эти ассоциации привели к появлению значений ад – тяжелое душевное состояние: *Душевный ад; Моральный ад; Ад воспоминаний*, он символизирует злобу, жестокость, коварство: *Адский замысел; Адское коварство; Адская улыбка*. Есть указание на особенности устройства ада: *Благими намерениями вымощен ад* (или *дорога в ад*).

Такие семы в белорусском материале не обнаружены. Зато, несмотря на понимание опасности ада, белорусы допускают возможность достичь его и остаться невредимым: *Адвагаю і пекла пярэйдзеці; Салдат не байца і пекла; За рублём палез бы ў пекла; Маці то і да пекла трапіць; Цікавы і ў пекла гатоў лезці – паглядзець, што там дзеецца; Таўчэцца, як Марка па пекле; Хто сватае, той у пекла пратае; Служыць хоць у пекле, абы пекна*. Как видим, по мнению белорусов, существуют причины, по которым стоит отправиться в ад. Но обитатели ада (черти) не всякого принимают, например, они не впускают гордых: *Гордага і чорт з пекла выпіхае*, курящих: *Хто курыць, таго з пекла тураць*. Опять же вспомним, что в белорусской поговорке (см. выше) отражен взгляд на то, что в пекле не так уж и страшно, если быть в центре его, а не на периферии. А если живешь рядом с адом, так и вообще надо дружить с его обитателями (и даже породниться с ними): *Каля пекла жывучы, то трэба і чорта за кума напросіць*. В русском материале такой взгляд тоже отражен, однако в гораздо меньшем количестве примеров: *Обживешься, так и в аду ничего; И в аду люди живут; И в аду хорошо заступничество: ину пору хоть кочергой вместо вил посадят, все легче*.

В белорусской фразеологии сакральность ада снижается через описание уклада жизни в нем, например, указывается, что хозяева этого локуса – черти живут семьями: *Жывучы ля пекла, і чорта з чарціхаю ў кумы напросіш*, что и здесь существует субординация: *Старшы*

і ў пекле ёсць; Старшых і ў пекле шануюць. В аду живут и люди, в первую очередь, это богачи, которым здесь комфортно: *Нікому так не добра, як панам у пеклі; Багача і ў пекле шануюць.* Другие здесь тоже могут быть, об этом свидетельствуют устойчивые выражения, несущие семантику “лихой, злой”: *Ён з пекла родам; Пан і поп з аднаго пекла чэрці; Яго жонка з пекла родам.*

В белорусской фразеологии описывается поведение людей в аду. В устойчивом выражении *Мужыку ў пекле горш, як пану, бо пан спакойна сядзіць і ў катле кіпіць, а мужык мусіць дровы секчы і пад кацёл класці* представлена целая сцена (фрейм), где простой человек с юмором указывает на свое подчиненное положение и после смерти.

Приведенные белорусские примеры свидетельствуют о корреляции *ад – богатство*. Но и в русской фразеологии богатство тоже ассоциируется с адом: *Пусти душу в ад, будешь богат* (белорусское соответствие – *Не аддаўшы душу ў ад, не будзеш багат*); *В аду не быть – богатства не нажить*. Здесь очевидна связь с христианскими заповедями: “Удобно верблюда пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие” (Евангелие от Матфея).

Выявленные в результате анализа и сопоставления русского и белорусского фразеологического материала семы определяют когнитивную дефиницию, которая значительно объемнее словарной. Так, устойчивые выражения свидетельствуют о том, что в сознании обоих народов – русского и белорусского рай связывается с позитивными представлениями о жизни, что восходит, безусловно, к протообразу – жизнь человека, обладающего бессмертием, в прекрасном саду (или городе). Значения, отразившиеся во фразеологии, издавна стали эталоном, с которым сравниваются, коррелируют наиболее важные национальные концепты – жизнь, родина, счастье, смерть. Ад – это место наказания, мучений. Дихотомия *рай – ад* переплетается с оппозициями *сакральный – мирской, верх – низ, добро – зло*.

И рай, и ад представлены в народном сознании как некие населенные пункты типа города, вероятно, огороженные и имеющие ворота (в русском – мощеные, здесь отразился и архетип *рай – сад*).

На фоне общего сходства проявляется национально-культурный компонент. Образ рая и ада в мировидении русских (и намного меньше у белорусов) соотносится с библейской мифологией. Русские паремии отчетливо репрезентируют вертикальное строение пространства: небо – земля – подземное царство, от прекрасного Эдема к обыденному (профаническому). Рай соотносится с чувством блаженства, ад – с душевными муками, шумом, грохотом. В русской фразеологии репрезентиро-

ваны гендерные отношения (роль Адама, отрицательные коннотации, связанные с женщиной).

Белорусские представления, особенно об аде, отразившиеся во фразеологии, гораздо чаще, чем русские, лишены сакрализации. Материал свидетельствует об известной толерантности белорусов: и в рай не спеша, и в ад жить можно. Рай – родина, родной дом ярче представлен в белорусском материале. Ад – место обитания не только inferнальных существ, но и людей, которые могут оттуда приходить на землю, быть *з пекла родам*. По мнению белорусов, люди могут побывать в аду как в некоем государстве и не лишиться при этом жизни. Поведение простого человека здесь мало отличается от реальной жизни, поэтому белорусу, простому крестьянину, ад не очень страшен. Эти (и другие) особенности в мировидении русских и белорусов, которые мы выявили в процессе сопоставления, свидетельствуют о некоторых несовпадениях в менталитете.

S U M M A R Y

When getting to know the world, getting the feel of it one so to say, lays upon the surrounding space a net looking system of binary oppositions. Opposition Paradise – Hell, being discussed in the article, is built in (besides those listed above) the row of the other oppositions – Sacrificed – Civil, Good – Bad, Good – Evil and is being connected with such value concepts, as Life, Death, Happiness, Richness and others. It is shown in the article how in the phraseology understood widely the images of the Paradise and the Hell of the Russian and Byelorussian naive outlook are reflected.

Comparison of the material enables us to find either similarities or differences in the Russian and Byelorussian world perception. Sacral essence of the concepts and their link with religious views is shown more vivid in the Russian material, Byelorussian phraseology represents the decline of their sacral position more frequent. The Hell is represented here as the place available for alive people. Divergences signalize about certain national mentality peculiarities of the peoples.